

Андрей
Курков

ИГРА
в отрезанный
ПАЛЕЦ

Харьков
«Фолио»
2013

Киев. 21 мая 1997 года. Ночь.

Сержант Воронько любил свою маленькую уютную стеклянную будочку ГАИ в самом центре столицы — на площади Независимости. Особенно любил ее по ночам, когда перед ним отдыхала от колес проезжая часть Крещатика, когда, выйдя из будки покурить, он вдруг замечал, что городская тишина звенит. В отличие от родной сельской, которая стелется звуконепропускаемым покрывалом. В селе далекий случайный лай какого-нибудь пса разлетелся бы на километры, разбив тишину вдребезги. В городской тишине этот лай просто утонул бы, никем не услышанный: она бы просто поглотила любой шум.

Ночной город, которого все так почему-то боятся, беззащитно лежал перед сержантом и не вызывал никаких чувств, кроме любви и гордости. Воронько ощущал себя его защитником, охранником, телохранителем. Он был словно заботливый хозяин этого места. И хозяйство у него было большое и разнообразное: и главпочтамт, и фонтаны, и даже красный рекламный дирижабль с надписью «Coca-cola», болтавшийся над землей на привязи рядом с местом, где когда-то стоял памятник Ленину.

Посмотрев на часы — а было уже полтретьего, — сержант Воронько выложил из своего портфеля на пульт компьютер-ноутбук, раскрыл его. Этот компьютер подарил ему кум, работавший в налоговой полиции. Конечно, подарил не так просто, а в благодарность за то, что сержант помог ему оформить пригнанную из Германии машину. Все бы ничего,

но она оказалась ворованной и с фальшивыми документами. А так — машина высший класс. «Опель-кадетт». Кум теперь на ней иногда в гости приезжает. Теперь она уже «чистая». Один приятель дал бумагу, что машина в розыске за границей не числится, другой оформил все, как полагается. И все по дружбе — ну посидели, выпили, договорились вместе без жен на рыбалку с ночевкой. Все по-человечески, по-братски.

И вот теперь он может по ночам не только любоваться пустынным Крещатиком, но и в карты с компьютером играть: в девятку. Или пасьянс раскладывать. Кум все показал. Правда, умный, собака, этот компьютер. Обычно выигрывает он у сержанта. Но ведь не человек это, так что и проиграть ему не стыдно. Тут уж никаких обид.

Включил сержант свой ноутбук, нажал по заученному порядку нужные клавиши, и появился на экране смешной человечек с колокольчиком. Позвонил, и перед сержантом возникли его карты. Хорошие карты, с такими глупо не выиграть.

Сделал сержант первый ход, как вдруг на пульте загорелась лампочка, и в ночную тишину стеклянной будочки ворвался хриплый механический голос рации:

— Седьмой! Срочно прибыть на пост одиннадцать!

Сержант взял рацию в руку. Сказал: «Слушаюсь» — и вздохнул. Не дали ему насладиться игрой.

Выключил он компьютер, положил его обратно в портфель. Сел в ГАИшные «Жигули», стоявшие у бровки метрах в пяти от будки, и поехал. Пост номер одиннадцать был недалеко — на Печерске. Если туда и обратно, то он еще не одну игру с компьютером успеет до смены сыграть.

Минут через пять после того, как опустела будочка ГАИ на площади Независимости, с холма напротив взлетел рекламный дирижабль «Coca-cola». Поднимался он над Крещатиком тяжело и медленно. Под ним на канате болталось вытянутое человеческое тело.

Безветренная ночь позволила дирижаблю утащить свой груз под невидимый небесный купол города.

Сержант Воронько уже подъезжал к Печерскому мосту, как вдруг из радиации донесся знакомый хриплый голос:

— Седьмой! Отбой! Можешь возвращаться!

Воронько только покачал головой. Развернулся на пустой дороге и поехал назад на Крещатик. Оставалось еще три часа дежурства, после чего можно будет вернуться домой и залечь на боковую. Но за эти оставшиеся три часа можно еще вдоволь наиграться. Лишь бы больше с поста не срывали.

2

Киев, 23 мая 1997 года.

Суэта вокзала осталась позади. Ник Ценский проводил вокзальную площадь уставшим взглядом и обернулся к Ивану Львовичу, сидевшему рядом на заднем сиденье темно-синего БМВ.

— Вам отдохнуть надо, — сочувственно закивал головой Иван Львович, глядя своими маленькими глазками в лицо Нику.

Ник действительно нуждался в отдыхе — семь дней дороги да еще добрый месяц возни с подготовкой отъезда, продажей квартиры, отправкой контейнера с вещами. Теперь Таджикистан казался далеким и совершенно чужим. И слава богу. Жена с сыном осталась пока в Саратове у родни — летом там хорошо. Волга, купанье, рыбалка. Лица вокруг славянские — уже легче. Не то что в Душанбе, где каждый встречный взгляд без улыбки, и не знаешь, что за ним кроется.

— Я думаю, что с Киевом вы как-нибудь потом сами познакомитесь, а сейчас прямиком в санаторий. У вас там будет временный домик со всеми удобствами, там я вам все и расскажу...

5

Слово «домик» вызвало у Ника добрую улыбку. У них когда-то был домик где-то под Житомиром. Домик и сад. Это когда его бабушка была жива. Они приезжали туда с мамой на все лето несколько раз. Когда это было? Шестьдесят второй? Шестьдесят третий? Не позже, потому что в шестьдесят пятом он уже был сиротой и его забрали родители отца, жившие в Душанбе. Потом словно провал, словно дальше детства не было. Школа, институт военных переводчиков, служба при штабе округа, две командировки в Африку. И все это на желтом песочном фоне, на фоне лиц песочного цвета, на фоне красивых неприступных гор, тоже песочного цвета.

Потом тихая свадьба, рождение сына. Увольнение с работы жены «по цвету лица». Ее начальник Сарултаев понял независимость как очистку НИИГеологии от нетаджиков. Потом позвонил, извинился, сказал, что в России им будет лучше. А что в России? Единственная родня в Саратове, и те живут без копейки. Хорошо хоть приняли их, поселили на даче, обещали чем смогут помогать Тане и Володьке, пока он тут обустроится. Ему еще повезло, что он встретил Ивана Львовича. Случайная встреча, а как все перевернула.

Ник тогда выходил из управления погранвойск. Настроение было хреновое. Подавал рапорт на перевод в Россию, получил отказ. А тут этот немолодой полковник в штатском, командировочный, попросил объяснить, как в ведомственную гостиницу проехать. А чего ехать — пешком пятнадцать минут от управления погранвойск. Провел его Ник, разговорились по дороге. Вечером вместе поужинали в турецком ресторанчике. Там Иван Львович и упомянул первый раз о том, что в Украине формируется новая служба и есть возможность попасть в ее «фундамент». Особенно если бабушка жила под Житомиром. И с квартирой, сказал, помогут, и с устройством. Конечно, не все сразу. Все требует времени.

Машина выехала на набережную. Светило солнце.

— Вы пиво любите? — спросил вдруг Иван Львович.

Ник кивнул.

— Тормозни у раков! — сказал Иван Львович шоферу.

Ник удивленно глянул вперед по ходу машины и действительно увидел возле бровки большую надпись на картоне «РАКИ», под которой стояли два ведра. Рядом на раскладном стульчике сидел парень в плавках и солнцезащитных очках.

— Почему? — спросил Иван Львович, выйдя из машины.

— Полтинник штучка.

Ник тоже вышел, хотелось размять затекшие ноги. Заглянул в ведро. Оно было полное — то ли торговля не шла, то ли парень только-только здесь устроился.

— Двадцать штук, — Иван Львович протянул парню купюру.

Через десять минут машина выехала за пределы города. По обе стороны дороги зеленел лес, стройные высокие сосны выступали иногда из него, как сходявшие шахматные фигуры.

Глаза Ника отдохали на этой проносившейся мимо зелени. Это был совершенно другой мир, настоящий мир, в котором все было наполнено жизнью — и люди, и земля, и даже ведра у бровки дороги. Нет, случай — бог жизни! Это точно. Эту поговорку Ник «взял на память» у приятеля Лешки, погибшего во время первой командировки. Дело было в Заире, в их группе прилетели двадцать три человека, а вернулись одиннадцать. Тоже — дело случая. Их группу разделили на две — надо было провести переговоры о поставках оружия с двумя группами повстанцев. Лешка поехал переводчиком в первом микроавтобусе, Ник — во втором. Потом сообщили, что первый микроавтобус подорвался на противотанковой mine. Вот и вся история. Случай — бог жизни.

Слева появился аккуратный двухметровый зеленый забор. Шофер притормозил и остановился перед такими же зелеными воротами, на которых было написано «26-й км».

— Ну как? — спросил Иван Львович, показывая взглядом на деревянный финский домик, к которому от дороги вела

посыпанная гравием тропинка. — Здесь раньше партбоссы отдыхали, а теперь все по-другому. Пойдем!

В доме было три комнаты, кухня и веранда. Показав все Нику, Иван Львович уселся на диван и перевел дух.

— Ну вот, теперь кастрюлька с водой на плиту для наших раков и пиво из холодильника ать-два! — шутиливо сказал он после паузы.

Пока Иван Львович возился на кухне, Ник перенес свои два чемодана в спальню и торопливо перебирал вещи, пытаюсь вспомнить, куда он положил заготовленный для Ивана Львовича подарок. Наконец рука сама наткнулась на завернутый в кусок кожи старинный турецкий ятаган, купленный когда-то на самаркандском базаре.

Иван Львович вернулся из кухни с пивом и стаканами. Ник встретил его с блестящим, изящно искривленным клинком в руках.

— Это вам! Спасибо, что вытащили нас оттуда!

— Да вы что! — испугался Иван Львович. — Из Душанбе тащили этот нож? Вас же могли на любой границе снять с поезда и посадить! О чем вы думали?

— Это не нож, это настоящий ятаган... — устало проговорил Ник. — Извините. Конечно, не подумал. Но не хотелось оставлять там. В контейнер нельзя было — там таможня каждую тряпку руками прощупывала...

— Ладно-ладно, спасибо! — Иван Львович наполнил стаканы пивом. — Раз пронесло, значит, удача на вашей стороне. Спасибо. На ковер повешу! Красивая вещь. Я сам немного издерганный, извините. Думал, что за нами хвост будет, но, слава богу, вчера ЧП веселенькое произошло, теперь вся СБУ на ушах ходит. Им не до нас. Представляете, на крыше здания СБУ труп обнаружили. Кто-то умудрился на рекламном дирижабле его туда поднять, и это все незаметно! Там камер штук двадцать в разные стороны, только не в небо. А этот подарочек прямо с неба опустился. Петля на шее, а второй конец к дирижаблю! Такого еще не было. Труп тоже, можно сказать,

очень уважаемый. Генерал в отставке, помощник президента по вопросам обороны...

— Зачем старика убивать? — Ник пожал плечами.

— Какой же он старик! Ему только сорок семь лет, из ранних. Успел и в ГБ послужить, потом в Минобороны, а там год с бумажками за три в строю! Ладно, спасибо ему за наше спокойное прибытие!

Они чокнулись стаканами с пивом.

— Раки уже краснеют! — Иван Львович кивнул в сторону открытой двери на кухню.

Через полчаса Ник остался один. Иван Львович вежливо откланялся, пообещав заехать через пару дней. Пожелал хорошего отдыха.

Ник выпил еще одну бутылку «Подольского» пива — оно ему понравилось. Потом вымылся под душем и, закрыв занавеской окошко в спальне, улегся на широкую кровать. Пока засыпал — чудились ему ритмичные покачивания вагона.

3

25 мая 1997 года.

Вечер выдался красивый и многозвездный, и пятнадцать минут пустынной дороги от станции метро к родной многоэтажке показались Вите Слуцкому легким мгновением. Он и так, в отличие от большинства жителей месяц назад построенного дома, ходил этой дорогой без страха, всегда готовый или вытащить из кармана пиджака свое новенькое удостоверение следователя уголовного розыска, или показать свою «тэтэшку», висевшую в кобуре под мышкой. Ни то ни другое применять ему пока не приходилось, ни на работе, ни на этом километровой отрезке дороги, вилевшей мимо стройплощадок еще не достроенных домов к единственному достроенному. Странная логика строителей была Виктору непонятна — почему надо на-

чинать с дальнего дома, а не наоборот, с ближнего к метро? Но кто знает, может быть, начни они с ближнего — пришлось бы Виктору с женой и трехмесячной дочкой все еще тесниться в «ОВД» — общежитии внутренних дел, как они называли хрущевскую пятиэтажку, затерявшуюся среди сталинских строений Печерска.

Теперь пешком на восьмой этаж и — ужин! Лифт еще не установили, так что физическая подготовка новоселов была на высоте, если не считать парочки старичков, поселившихся на двенадцатом этаже.

Виктор по привычке задержался на нижнем пролете узкой лестницы, давая глазам привыкнуть к темноте, потом рванул вперед, одновременно прислушиваясь к звукам бетонного колодца. Не потому, что чего-то боялся. Просто он постоянно забывал дома маленький фонарик — есть ли смысл вообще носить его целый день только ради того, чтобы включить вечером, возвращаясь по темной лестнице домой?

Он прислушивался, чтобы не столкнуться на ступенях с многочисленными соседями, среди которых большинство так же, как и он, пользовались на лестнице ушами и глазами, а отнюдь не фонариками.

Ира, маленькая крашенная блондинка, сама еще казавшаяся со стороны подростком, вышла в коридор с дочкой на руках, услышав, как скрежетнул дверной замок.

— Масло купил? — спросила она.

Виктор сразу сник. Чувство вины затмило ту легкую радость, с которой он возвращался домой. Он вздохнул, поняв, что лучше было бы ему вернуться с маслом, чем с этой радостью.

— Значит, будешь картошку лопать просто так, — спокойно произнесла Ира.

Потом будто повнимательнее присмотрелась к мужу. Заметила застывшую и словно спрятавшуюся улыбку, с которой он зашел в квартиру.